
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CURRENT ISSUES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343:316.62
DOI [10.17150/1996-7756.2016.10\(1\).73-81](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2016.10(1).73-81)

ОЦЕНКА СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ И УСЛОВИЙ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Я.С. Тейван-Трейновский, О.Я. Лавриненко

Даугавпилский университет, г. Даугавпилс, Латвийская Республика

Информация о статье

Дата поступления
18 января 2015 г.

Дата принятия в печать
10 декабря 2015 г.

Дата онлайн-размещения
28 марта 2016 г.

Ключевые слова

Социальные факторы; девиантное поведение; безопасность личности и общества; преступные посягательства; опасное состояние личности

Аннотация. Актуальность исследования опосредована непрекращающейся в обществе дискуссией о степени влияния социальных причин на девиантное поведение личности. Целью статьи является оценка социальных факторов и условий девиантного поведения заключенных Восточной Латвии на современном этапе общественного развития. Острота данной темы связана как с проблемами обеспечения безопасности личности и общества от преступных посягательств, так и с оптимизацией расходования общественных средств, направляемых на ограничение преступности в целом. Особенно важным это становится в условиях жесткой экономии бюджетных средств, вызванной последствиями финансово-экономического кризиса. Социологи достаточно настойчиво утверждают о том, что единственным эффективным средством сдерживания преступного поведения является создание для личности достойных условий жизни. Однако в ситуации нехватки финансовых ресурсов такие условия затруднительно обеспечить даже законопослушным гражданам. Создание привилегированных условий жизнедеятельности лицам, совершившим преступные деяния, может вызвать резкое осуждение со стороны соблюдающих общепринятые нормы поведения. Более того, повышение налогового бремени для большей части общества с целью улучшения бытовых условий тем, кто эти налоги не платит, может серьезнейшим образом нарушить ценностный баланс в обществе. Авторы стоят на позициях социологического подхода в теории девиантности. В то же время новые вызовы индустриального общества заставляют искать и другие детерминанты девиантного поведения личности с целью выработки новых, более действенных мер их нейтрализации. При проведении эмпирических исследований с использованием объективных методов установления взаимных связей между социальными и личностными детерминантами преступного поведения личности авторам удалось выявить ряд закономерностей, способных изменить некоторые общепринятые подходы к вопросам ограничения преступности.

ASSESSMENT OF SOCIAL FACTORS AND CONDITIONS OF DEVIANT BEHAVIOR IN THE MODERN SOCIETY

Janis S. Teivans-Treinovskis, Olga J. Lavrinenko

University of Daugavpils, Daugavpils, the Latvian Republic

Article info

Received
2015 January 18

Accepted
2015 December 10

Available online
2016 March 28

Abstract. The topicality of the study is determined by the ongoing public debate regarding the degree of influence that social causes have on deviant behavior. The aim of the article is to evaluate the social factors and conditions of deviant behavior among the prisoners of Eastern Latvia at the present stage of its social development. This is a pressing matter as it deals with the problems of security of individuals and society from criminal attacks as well as the optimization of public spending on crime control in general. It becomes especially urgent in the conditions of fiscal austerity resulting from the financial and economic crisis. Sociologists believe that the only effective way of deterring an individual from criminal behavior is providing him/her with a decent living standard. However, in the conditions of insufficient financial resources such standards are not easy to guarantee even for the law-abiding citizens. Creating

Keywords

Social factors; deviant behavior; security of individuals and society; criminal acts; dangerous condition of a person

privileged living conditions for those who have committed criminal acts could result in sharp condemnation from persons complying with generally accepted standards of behavior. Moreover, the increase of tax burden on the majority of citizens in order to improve the living conditions for those not paying any taxes could disrupt the balance of values in a society. The authors support the sociological approach to the theory of deviance. At the same time, new challenges of the industrial society encourage the search for other determinants of deviant behavior in order to develop new, more effective measures to neutralize it. Empirical studies that used objective assessment of the relationships between social and personal determinants of criminal behavior allowed the authors to establish a number of consistent patterns that could change traditional approaches to crime control issues.

ВВЕДЕНИЕ

Поиск ответа на вопрос Достоевского о причинах преступности: «Среда виновата или подлая натура человеческая?» — не перестает будоражить умы ученых уже на протяжении многих веков. Особенно интересна оценка социальных факторов и условий динамики преступности на этапе перехода от плановой экономики к рыночной. В силу вышеописанных обстоятельств исследование мнения бывших заключенных Восточной Латвии представляет особый интерес, так как Восточная Латвия находится на пересечении важнейших транспортных и культурных артерий и в определенной степени является проекцией социально-культурных связей между Западом и Востоком.

МЕТОДОЛОГИЯ И СТРУКТУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Влияние социальных причин на девиантное поведение личности установлено многими учеными (Дж. Романьси (G. Romagnosi) [1], И. Ферри (E. Ferri) [2], Г. Майером (G. Mayer) [3], Й. ван Каном (J. van Kan) [4], Р. Мертоном [5], В.А. Бонгером (W.A. Bonger) [6] и др.). Под социальными факторами общественной среды следует понимать особенности семьи, образование, религиозность, распределение богатства, жизнь в городе или на селе, жилищные условия, социальную депривацию, общественное мнение, общественные институты, организацию труда, политическое устройство страны и пр.

Бедность порождает «социальное дно» (когда доминируют плохие бытовые условия, неполноценное питание, пьянство, обыденно совершаются тяжкие преступления, о которых никому не сообщается и которые нигде не регистрируются), являющееся источником дегуманизации общества. Уже древние римские философы говорили о преступлениях, вызванных

неудовлетворенными базовыми потребностями личности. В XVI столетии Albertus de Gandino и de Bello Visu оправдывали совершенные кражи условиями голода, которые они приравнивали к ситуации крайней необходимости [7].

Г. Майер графически подтвердил корреляцию между ценами на хлеб и количеством преступлений против собственности в период с 1832 по 1892 г. в Цюрихе [3]. Параллельно к таким же выводам пришел Е.Н. Тарновский: на основании статистических данных по 33 губерниям с населением около 67 млн жителей в период с 1874 по 1894 г. он установил, что уровень преступности как во всех 33 губерниях, так и в отдельных районах находится в прямом соотношении с ценами на хлеб [8].

Но очень значительный процент этих преступлений совершается под влиянием другого фактора — алкоголизма, развивающегося чаще всего на почве бедности [9]. Однако алкоголь оказывает большее влияние на совершение преступлений против личности и общественного порядка, чем против собственности.

Дж. Романьси все причины совершения преступлений сводит к таким базовым детерминантам, как нехватка средств к существованию, низкий уровень воспитания, недостаточная предусмотрительность и пробелы в законодательстве [1].

И. Ферри, в свою очередь, разделил их на три группы и включил в первую группу индивидуальные, или антропологические, причины, во вторую — физические и в третью — социальные [2]. К социальным факторам Ферри отнес увеличение и уменьшение народонаселения, эмиграцию, общественное мнение, обычаи и религию, семейный строй, политическую и финансовую ситуацию в стране, уровень развития промышленного производства и земледелия, административное устройство, уровень общественной

безопасности, уровень культурного развития общества, благотворительность, а также состояние законодательства.

Другие исследователи (Й. ван Кан [4] и Колаянни) делят причины преступности на социальные факторы прямого и косвенного воздействия, а также на экономические факторы. Колаянни важное значение придает распределению доходов.

Ф. фон Лист в динамике преступности особо выделяет также экономическое положение рабочего класса.

Однако некоторые исследователи (например, Р. Гарофало (R. Garofalo) [10] и др.) не соглашались с вышеописанными утверждениями, так как не все люди, находясь в крайней нужде и под влиянием алкогольного опьянения, совершают преступления. В данной ситуации возникает вопрос о том, имеются ли какие-либо специфические социальные условия, катализирующие совершение преступлений, нейтрализация которых способствовала бы снижению уровня преступности без значительных финансовых вложений в развитие социальной среды. Более того, состояние преступности в относительно благополучных странах не дает оснований считать, что развитая социальная среда является панацеей от роста преступности.

Исследование данного феномена имеет особое значение именно в нынешних условиях ограниченных финансовых возможностей влияния на динамику преступности. Поиск организационных мер, направленных на снижение преступности без привлечения значительных финансовых средств, является серьезнейшим вызовом для современного общества.

Возможно, одной из причин, катализирующих совершение преступлений, выступает погоня в условиях рыночной экономики за ростом ВВП, прибылью, что приводит к доминированию культуры общества потребления. С одной стороны, общество требует от человека обогащаться, а с другой стороны, не дает ему легальных средств для этого, и потому, чтобы обогатиться, человек ищет средства нелегальные [11]. При низком уровне духовности, имея перед собой яркие примеры наживы по коррупционным схемам, многие не могут устоять перед соблазном совершения преступления.

Согласно теории одного из ведущих криминологов современности Р. Мертона, наиболее

важными элементами социальной культуры, определяющими ее суть, являются:

- обусловленные культурой цели, намерения и интересы, выступающие в качестве законных целей всего общества или же отдельных его слоев;
- приемлемые способы достижения этих целей.

Само собой разумеется, что выбор средств достижения конкретных культурных целей ограничивается нормами объективного права и состоянием общества в целом.

Появление дисбаланса между культурными целями и общепринятыми способами их достижения приводит к состоянию аномии, фактически лежащей в основе принятия решения о совершении преступного деяния [11]. Феномен этой теории заключается в том, что она, по сути, объясняет ситуацию, когда в условиях материального благополучия преступления совершаются чаще, чем в условиях социального бедствия.

В свою очередь, аномию следует считать производной деформированного состояния социальной структуры, побуждающей членов общества к отклоняющемуся, девиантному поведению.

Настоящее исследование предполагает проведение комплексного межотраслевого научного изыскания с целью выявления скрытых причин девиантного поведения личности.

Авторы статьи ставят перед собой задачу оценить степень влияния различных социальных факторов и условий на девиантное поведение жителей Восточной Латвии на современном этапе общественного развития. Для достижения поставленной цели в сентябре — октябре 2014 г. был произведен опрос заключенных восточного региона Латвии — Латгалии — по стратифицированной выборке ($N = 88$). Выборка по виду отбора — комбинированная, по методу — бесповторная, по способу отбора — стратифицированная по полу, виду преступления.

Социально-демографические параметры в опрошенных группах после взвешивания выборок близки к параметрам генеральной совокупности (суммарная разница менее 3 %). Максимальная ошибка каждой выборки — 3 % ($\Delta p = 0,03$), достоверность — на уровне 95 % ($\alpha = 1,96$). Следует отметить, что в Даугавпилсе — самом большом городе Латгалии — находятся две тюрьмы и территориальное отделение Государственной службы пробации, что

позволяет получить достаточно качественный эмпирический материал для проведения соответствующего исследования.

Методы исследования: частотный анализ, корреляционный анализ, факторный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

82 % опрошенных — мужчины, 18 % — женщины. Средний возраст — 30,7 года. Общий трудовой стаж респондентов составляет в среднем 5 лет. К уголовной ответственности опрошенные привлекались в среднем 2 раза (минимально — 1 раз, максимально — 8 раз). Средний возраст совершения первого преступления — около 20 лет (минимальный возраст — 6 лет, максимальный — 43 года). 96 % опрошенных — жители города, 4 % — села. 57 % респондентов совершили преступление против собственности, 19 % — против личности, 19 % — оба вида преступления, 5 % — другие преступления. Количество лет, проведенных респондентами в заключении, колеблется от 4 до 15. Эти цифры в целом отражают общую структуру преступности в Латгалии, а значит, способны дать достаточно объективное представление об исследуемом социально-правовом явлении.

В результате частотного анализа авторами установлено, что алкоголизация в значительной мере способствует девиантному поведению: 77 % преступлений было совершено в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Совершение преступлений в раннем возрасте связано с алкоголизацией (r (Спирмена) = 0,232, p -значение = 0,034), многократное нарушение закона также коррелирует с употреблением алкоголя и наркотиков: чем больше раз опрошенный привлекался к уголовной ответственности, тем большее количество раз он совершал преступное деяние под влиянием алкоголя или наркотических и психотропных средств (r (Спирмена) = -0,290, p -значение = 0,006).

Тип семьи (полная, неполная) не является фактором, влияющим на возраст совершения первого преступления, а вот повторные многократные правонарушения чаще совершают опрошенные из полных семей (r (Спирмена) = -0,319, p -значение = 0,002), нежели из неполных. Данный результат явно диссонирует с принятым в обществе мнением о том, что неполные семьи в большей степени способствуют криминализации личности, чем семьи, где есть

оба родителя. Однако следует отметить, что у 64 % опрошенных родственники были судимы.

Авторами данного исследования не было установлено прямого влияния уровня образования на количество правонарушений, хотя общепризнанной является концепция о том, что повышение его уровня способствует снижению уровня преступности.

Средний доход домохозяйств, в которых проживали преступившие закон, составляет 304 лата — примерно 432 евро (минимально — 0 латов, максимально — 600 латов) в месяц. Средний доход на одного члена семьи после уплаты налогов в среднем составляет 136 латов. Однако, по данным статистического бюро Латвии, величина минимальной прожиточной корзины на человека в 2013 г. равнялась 252,84 лата. За чертой бедности (доход на одного члена домохозяйства ниже 252,84 лата) жили 83 % опрошенных. Была установлена устойчивая связь между количеством совершенных преступлений и бедностью (уровнем доходов ниже прожиточного минимума): r (Спирмена) = -0,536, p -значение = 0. В то же время это еще не дает оснований полагать, что бедность изначально явилась причиной выбора преступной модели поведения.

Что касается обеспеченности бытовыми приборами длительного пользования (телевизором, холодильником, стиральной машиной), то 95–100 % преступивших закон ответили на данный вопрос положительно. Автомобиль имели 53 % семей, компьютер — 67 %, мобильные телефоны — 95 %. Относительно субъективных оценок того, насколько семьи были обеспечены бытовыми приборами длительного пользования, получены несколько заниженные оценки респондентов: 9 % считают себя не совсем обеспеченными, только 36 % — в основном обеспеченными, почти полностью обеспеченными — 18 %, полностью обеспеченными — 36 %. Почти полностью обеспеченными продуктами питания себя считают 18 %, в свою очередь, 55 % считают себя полностью обеспеченными продуктами питания. Не обеспеченными продуктами питания себя считают 5 %, не совсем обеспеченными — 9 %. Полностью обеспеченными одеждой и обувью считают себя 50 %, почти полностью обеспеченными — 14 %, в основном обеспеченными — 23 %. При этом что мобильными телефонами обеспечены 95 %

семей, только 50 % респондентов считают, что их семьи полностью обеспечены ими. То есть большая часть лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, считают необходимым наличие средств мобильной связи у всех членов семьи. Отдельной квартирой обеспечены лишь 29 % семей, 43 % вообще не имеют своего жилья. Не очень хорошо обстоят дела с обеспеченностью автомобилями: 47 % их не имеют, 41 % считают, что не обеспечены транспортным средством. 23 % считают, что вообще не обеспечены книгами, газетами, журналами, 9 % — не в полной мере обеспечены. Не обеспеченными в финансовом плане считают себя 9 %, не в полной мере обеспеченными — 23 %. Не обеспеченными алкоголем и сигаретами считают себя 26 %, еще 11 % — не в полной мере обеспеченными.

Совершению преступлений в более раннем возрасте способствует необеспеченность бытовыми приборами длительного пользования (телевизор, стиральная машина, холодильник, компьютер) (r (Спирмена) = $-0,301$, p -значение = $0,005$), необеспеченность транспортом (r (Спирмена) = $-0,243$, p -значение = $0,026$), необеспеченность финансами (r (Спирмена) = $-0,233$, p -значение = $0,033$). Также совершению преступлений в более раннем возрасте способствует обеспеченность сигаретами, алкоголем и мобильным телефоном (r (Спирмена) = $0,252$, p -значение = $0,028$ и r (Спирмена) = $0,444$, p -значение = 0). Эти данные в принципе соответствуют общепринятому мнению и не вызывают особого интереса.

Однако установлена достаточно интересная линейная зависимость между количеством преступлений и оценкой опрошенными своей обеспеченности автомобилем (r (Спирмена) = $0,290$, p -значение = $0,006$): чем лучше обеспеченными транспортом считают себя респонденты, тем большее количество преступлений ими совершено. Также имеет место линейная зависимость между количеством преступлений и оценкой своей обеспеченности продуктами питания (r (Спирмена) = $0,220$, p -значение = $0,040$): чем лучше обеспеченными продуктами питания считают себя респонденты, тем большее количество преступлений ими совершено. Аналогично и с финансовой обеспеченностью: чем более обеспеченными считают себя респонденты, тем большее количество преступлений ими совершено (r (Спирмена) = $0,331$, p -значение = $0,002$).

Эти результаты открыто противоречат мнению о том, что именно недостаточность средств на относительно достойный образ жизни способствует выбору преступной модели поведения [12]. Вышеупомянутая проблема обуславливает такой выбор только на самом раннем этапе социализации личности — при совершении первого преступления. В дальнейшем происходит ценностная деформация личности [13], которая с ростом ее обеспеченности необходимыми предметами быта приводит к еще большей ее криминализации. Исследование группы осужденных в Российской Федерации дает представление о функциональных изменениях психики лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы. Диссоциальное расстройство личности — наиболее распространенное среди обследованных осужденных расстройство личности [14]. У большинства из них выявлялись нарушения мыслительной деятельности в виде недостаточного прогнозирования своих действий. Эти особенности позволяли им легко включаться в криминальное поведение без попыток находить социально приемлемые выходы из различных ситуаций. Особенности такого лица сводятся к неспособности его психики сформировать контролирующую инстанцию, воспринимающую ценности общества. При этом лицо не лишено полностью возможности саморегуляции поведения.

В связи со сказанным возникает логический вопрос: чему именно способствует улучшение материального положения лиц с устойчивым асоциальным поведением — снижению или повышению рецидивной преступности? В определенном плане это объясняет ситуация, когда в результате деятельности Государственной службы пробации по ресоциализации лиц, совершивших преступные деяния, изначально (в 2004 г.) снизился рецидив среди клиентов пробации, однако потом, в 2010 г., после охвата системой пробации большего числа лиц, рецидив среди этой категории вырос вдвое. Невольно напрашивается сравнение данной ситуации с основными положениями социологической школы уголовного права, согласно которым в целях защиты общества от носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства была предложена система превентивных мер — мер социальной защиты, целью которых является «обезвреживание неисправимых, исправление исправимых».

С сигаретами и алкоголем дела обстоят иначе: чем менее обеспеченными ими считают себя преступившие закон, тем больше судимостей они имеют. То есть общепринятое зло, коим считаются сигареты и алкоголь, не только не увеличивает риск совершения преступления, а наоборот, выступает некоторым демпфером, сглаживающим недовольство наименее обеспеченного материальными благами населения. Это означает, что доступные цены на алкоголь и сигареты способны в некотором роде снизить мотивацию совершения преступления у определенного круга лиц. С этой точки зрения логичным можно считать решение Правительства РФ о снижении цен на алкоголь в условиях социально-экономических потрясений.

Анализ данных в анкете утверждений, оцененных респондентами по шкале Лайкерта (где 1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен), с использованием факторного анализа по методу главных компонент показал наличие четырех латентных факторов девиантного поведения.

Первый фактор «Культ материального» с объясненной дисперсией в 32 % продемонстрировал прагматическую ориентацию, т.е. в ряду жизненных ценностей наиболее значимым является стремление к материальному достатку. При этом зачастую жизненный успех, достижение высокого социального статуса не связываются с умением упорно и результативно трудиться, последовательно добиваться поставленных целей. К первому фактору относятся следующие утверждения: «если бы я был уверен, что останусь безнаказанным, то снова преступил бы черту закона» с факторной нагрузкой 0,879, «деньги не главное в жизни» с факторной нагрузкой –0,809 (т.е. главное, так как утверждение отрицательно коррелирует с фактором), «чтобы быть обеспеченным, надо много работать» с факторной нагрузкой –0,802 (т.е. не надо много работать), «лучше быть бедным, но честным» с факторной нагрузкой –0,751 (т.е. не лучше), «чтобы быть обеспеченным, надо быть образованным» с факторной нагрузкой –0,733 (т.е. не надо), «деньги — символ успеха» с факторной нагрузкой 0,725 (в этом ответе респонденты искренни), «чтобы иметь много денег, надо рисковать» с факторной нагрузкой 0,708, «я верующий человек» с факторной нагрузкой –0,595 (т.е. скорее неверующий), «жизнь дается один раз, и надо наслаждаться всем» с фактор-

ной нагрузкой 0,423. При анализе данного фактора вырисовывается не только деформированность индивидуальной шкалы ценностей, но и неискренность респондентов в своих ответах по ключевым вопросам, связанным с методами достижения материального благополучия. Иначе говоря, респонденты отлично осознают не одобряемые обществом модели поведения, скрывают от него свое мнение и не пытаются менять его под давлением общественности [15].

Второй фактор «Размытость системы ценностей» с дисперсией 17 % показывает жизненную несправедливость, расслоение общества и противостояние богатых и бедных граждан внутри государства. К нему относятся следующие утверждения: «государство должно обеспечивать неимущих людей пособиями на жизнь» с факторной нагрузкой 0,758, «быть богатым престижно» с факторной нагрузкой 0,597, «мне важно, что думают обо мне люди» с факторной нагрузкой 0,571, «чтобы иметь много денег, надо быть политиком» с факторной нагрузкой 0,553, «чтобы быть обеспеченным, надо иметь связи» с факторной нагрузкой 0,551. Данные результаты логичны. Респонденты остро реагируют как на объективную, так и на мнимую несправедливость по отношению к себе и не стесняются выражать свое мнение по данному вопросу.

Третий фактор «Противоречивость жизненной стратегии» с дисперсией 10 % включает в себя утверждения: «цель оправдывает средства» с факторной нагрузкой 0,664, «честно невозможно заработать много денег» с факторной нагрузкой 0,630, «лучше иметь меньше денег, но не рискуя» с факторной нагрузкой 0,515. При этом, согласно показателю, доминирует идея о том, что для достижения материального благополучия пригодны любые средства. С ней явно коррелирует утверждение о том, что честно невозможно заработать много денег. Однако наибольший интерес вызывает утверждение «лучше иметь меньше денег, но не рискуя» с достойным внимания уровнем факторной нагрузки. Это определенно указывает на то, что респондентам присуща достаточно заметная степень осторожности, и в условиях постиндустриального общества лица, склонные к антисоциальному поведению, все-таки предпочитают уклониться от неоправданного риска. Следует полагать, что в таких условиях значительным сдерживающим фактором является именно деятельность правоохранительных ор-

ганов. Иными словами, чем выше эффективность работы полиции в области предотвращения и раскрытия преступлений, тем ниже вероятность того, что участвовавшие в опросе респонденты предпочтут преступную модель поведения для удовлетворения своих потребностей [16; 17]. Это, в свою очередь, фактически опровергает достаточно популярное в странах Евросоюза мнение о том, что на выбор неуправляемой модели поведения в большей степени способны повлиять специальные программы коррекции поведения, в которых принимают участие лица, совершившие преступные деяния [18].

Четвертый фактор «Социальный инфантилизм» с дисперсией 8 % включает в себя такие утверждения: «государство должно обеспечивать бесплатным образованием» с факторной нагрузкой 0,655, «государство должно обеспечивать бесплатное медицинское обслуживание» с факторной нагрузкой 0,621 и «государство должно обеспечивать освободившихся из мест заключения ночлегом и материальным пособием» с факторной нагрузкой 0,675. Налицо выраженный социальный инфантилизм респондентов с достаточно высоким уровнем требований к государственным учреждениям и к обществу в целом. В ходе проведенного исследования трудно было выявить сколь-либо серьезные признаки самокритичности опрошенных в оценке собственного поведения и жизненной позиции, что, в свою очередь, уже свидетельствует об устойчивой деформации личности.

Определенный интерес вызывает то, что проведенное эмпирическое исследование вступает в достаточно серьезное противоречие с концепциями ведущих зарубежных специалистов в области криминологии и уголовно-исполнительного права. В определенном плане это не согласуется и с точкой зрения одного из авторов данной статьи, изложенной ранее в ежемесячном журнале Российской академии наук «Социологические исследования» [19]. Объяснение данной ситуации кроется в том, что проведенное исследование является комплексным (правовым, социологическим и экономическим одновременно), и это позволяет установить не идентифицированные ранее закономерности и связи. Установление этих связей может серьезно повлиять на выработку положений уголовной политики государства, связанных с ограничением рецидива и преступности в целом.

Важным обстоятельством, способствующим проведению расширенных исследований в области динамики и структуры преступности, служит то, что современное состояние науки, законодательства и правоприменительной деятельности создает предпосылки для обоснования предложений, касающихся совершенствования уголовно-правовых мер противодействия преступности.

Не следует забывать о том, что главной задачей фундаментальной юридической науки является не только толкование действующих норм, но и изучение эффективности их применения на основе исследования не столько самих норм, сколько фактических реалий, которые складываются на основе действующего законодательства. Нередко в юридической науке криминального цикла за фундаментальные исследования принимается механическое списывание норм с законодательства развитых стран под знаменем демократизации, гуманизации и других политических призывов. Подобная деятельность может быть фундаментальной при одном условии: если восприятие норм других стран производится на основе глубокого изучения эффективности их действия в конкретном обществе и использования общепризнанных методов [20].

Результаты проведенного авторами исследования недвусмысленно указывают на то, что наиболее эффективным влияние на личность, склонную к преступным действиям, может оказаться на раннем этапе ее социализации, что подтверждают ранее проведенные исследования [21]. В то же время это не следует понимать как сигнал к действию, направленному на нигилизацию уголовной ответственности несовершеннолетних, проявляющуюся во множественных, зачастую необоснованных отсрочках исполнения приговора несовершеннолетним, совершающим многократные преступные деяния.

Наличие у условно осужденных несовершеннолетних возможности избежать наказания формирует определенные условия для совершения нового преступления в течение испытательного срока. Следовательно, наиболее приемлемым и рациональным средством, снижающим уровень преступности в ближайшей перспективе, является нейтрализация механизмов допреступного поведения путем профилактического социально-правового воздействия на представителей основных групп риска.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Romagnosi G. *Antologia* [Electronic resource]. Vol. 1–48. Indice / G. Romagnosi. — Firenze, Giardetti, 1821–1863. — Mode of access : https://books.google.ca/books?id=fZJNAAAACAAJ&dq=G.Romagnosi:+Genesi+del+diritto+penale.+Firenze+.+Quinta+edizione.&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.
2. Ferri E. *La sociologie criminelle* [Electronic resource] / E. Ferri. — Madrid : Cantro Editorial De Góngora, 1908. — Mode of access : [http://www.docstoc.com/docs/58831217/Enrico-FERRI-\(DOC\)](http://www.docstoc.com/docs/58831217/Enrico-FERRI-(DOC)).
3. Mayer G. *Das Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben* [Electronic resource] / G. Mayer. — München, 1877. — Mode of access : <https://archive.org/details/diegesetzmssig00mayruoft>.
4. Kan J. van. *Les causes économiques de la criminalité* / Joseph van Kan. — P. : Lyon A. Storck & Cie, 1903. — 506 p.
5. Мертон Р. Социальная структура и аномия / Р. Мертон // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — М. : Прогресс, 1966. — С. 299–313.
6. Bongers W.A. *Criminality and Economic Conditions* [Electronic resource] / Willem Adrian Bongers. — L. : Forgotten Books (Original work published 1916). — Mode of access : http://www.forgottenbooks.com/readbook_text/Criminality_and_Economic_Conditions_1000006949/0.
7. Розин Н.Н. О крайней необходимости: Уголовно-юридическое исследование / Н.Н. Розин. — СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. — 250 с.
8. Тарновский Е.Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России / Е.Н. Тарновский // Журнал Министерства Юстиции. — 1898. — № 8. — С. 76.
9. Пионтковский А.А. Основные аспекты теории наказания / А.А. Пионтковский // Советское государство и право. — 1969. — № 7. — С. 34–42.
10. Garofalo R. *La criminologie: étude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité* [Electronic resource] / R. Garofalo. — P. : Alcan, 1888. — Mode of access : <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76988k/f8.image>.
11. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. — М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. — 880 с.
12. Makštutis A. Security, sustainability and competitiveness: Benchmarking attempts / A. Makštutis, A. Balkyte, V. Tumalavičius // *Journal of Security and Sustainability Issues*. — 2012. — Vol. 2. — P. 5–12.
13. Сочивко Д.В. Пенитенциарная антропология. Опыт систематизации психолого-педагогической теории и практики в местах лишения свободы / Д.В. Сочивко, В.М. Литвишков. — М. : Моск. психол.-социал. ин-т, 2006. — 320 с.
14. Старков О.В. Криминопенология / О.В. Старков. — М. : Экзамен, 2004. — 478 с.
15. Zahars V. Security implementation facets: Convicted women imprisonment sentence execution / V. Zahars, M. Stivrenieks // *Journal of Security and Sustainability Issues*. — 2014. — Vol. 3. — P. 45–53. — DOI : [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2014.3.3\(4\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2014.3.3(4)).
16. Matvejev A. Legal regimes in police activity at Latvian security policy / A. Matvejev // *Journal of Security and Sustainability Issues*. — 2013. — Vol. 3. — P. 23–30. — DOI : [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2013.3.1\(3\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2013.3.1(3)).
17. Teivans-Treinovskis J. State national security: Aspect of recorded crime / J. Teivans-Treinovskis, N. Jefimovs // *Journal of Security and Sustainability Issues*. — 2012. — Vol. 2. — P. 41–48. — DOI : [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2012.2.2\(4\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2012.2.2(4)).
18. Mitsilegas V. *EU Criminal Law. Modern Studies in European Law* / V. Mitsilegas. — Oxford : Hart Publishing, 2009. — 352 p.
19. Тейван-Трейновский Я.С. Пробация как социально-правовое воздействие на личность с противоправным поведением / Я.С. Тейван-Трейновский, В.Т. Волон // Социологические исследования. — 2012. — № 11. — С. 105–112.
20. Bachman R. *Fundamentals of Research in Criminology and Criminal Justice* / Ronet Bachman, Russel K. Schutt. — California : Sage Publications, 2008. — 319 p.
21. Zahars V. Security Implementation Facets: Peculiarities of Execution of the Sentence of Imprisonment in Respect of Convicted Minors / V. Zahars, M. Stivrenieks // *Journal of Security and Sustainability Issues*. — 2015. — Vol. 4. — P. 221–231. — DOI : [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2015.4.3\(3\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2015.4.3(3)).

REFERENCES

1. Romagnosi G. *Antologia*. Vol. 1–48. Indice. Firenze, Giardetti, 1821–1863. Available at: https://books.google.ca/books?id=fZJNAAAACAAJ&dq=G.Romagnosi:+Genesi+del+diritto+penale.+Firenze+.+Quinta+edizione.&hl=ru&source=gbs_navlinks_s.
2. Ferri E. *La sociologie criminelle*. Madrid: Cantro Editorial De Góngora, 1908. Available at: [http://www.docstoc.com/docs/58831217/Enrico-FERRI-\(DOC\)](http://www.docstoc.com/docs/58831217/Enrico-FERRI-(DOC)). (In Italian).
3. Mayer G. *Das Gesetzmässigkeit im Gesellschaftsleben*. München, 1877. Available at: <https://archive.org/details/diegesetzmssig00mayruoft>.
4. Kan J. van. *Les causes économiques de la criminalité*. Paris, Lyon A. Storck & Cie, 1903. 506 p.
5. Merton R. Social Theory and Anomie. *Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhaznye teorii)* [Sociology of Crime (Contemporary bourgeois theories)]. Moscow, Progress Publ., 1966, pp. 299–313. (In Russian).
6. Bongers W.A. *Criminality and Economic Conditions*. London, Forgotten Books (Original work published 1916). Available at: http://www.forgottenbooks.com/readbook_text/Criminality_and_Economic_Conditions_1000006949/0.
7. Rozin N.N. *O krainiei neobkhodimosti: Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie* [On Extreme Necessity: A Criminal Law Study]. Saint Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1899. 250 p.
8. Tarnovskii E.N. The impact of bread prices and harvests on the dynamics of crimes against property in Russia. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii = A Journal of the Ministry of Justice*, 1898, no. 8, p. 76. (In Russian).
9. Piontkovskii A.A. Key aspects of the theory of punishment. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1969, no. 7, pp. 34–42. (In Russian).

10. Garofalo R. *La criminologie: étude sur la nature du crime et la théorie de la pénalité*. Paris, Alcan, 1888. Available at: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k76988k/f8.image>. (In French).
11. Merton Robert K. *Social theory and social structure*. New York, Free Press, 1968. 702 p. (Russ. ed.: Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, AST Publ., AST Moskva Publ., Khranitel' Publ., 2006. 880 p.).
12. Makštutis A., Makštutis A., Balkyte V. Tumulavičius Security, sustainability and competitiveness: Benchmarking attempts. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2012, vol. 2, pp. 5–12.
13. Sochivko D.V., Litvishkov V.M. *Penitentsiarnaya antropologiya. Opyt sistematizatsii psikhologo-pedagogicheskoi teorii i praktiki v mestakh lisheniya svobody* [Penitentiary Anthropology. The Experience of Systematizing the Psycho-pedagogical Theory and Practice in the Penal Institutions]. Moscow Psychology-Social Institute Publ., 2006. 320 p.
14. Starkov O.V. *Kriminopenologiya* [Criminal Penology]. Moscow, Ekzamen Publ., 2004. 478 p.
15. Zahars V., Stivrenieks M. Security implementation facets: Convicted women imprisonment sentence execution. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2014, vol. 3, pp. 45–53. DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2014.3.3\(4\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2014.3.3(4)).
16. Matvejev A. Legal regimes in police activity at Latvian security policy. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2013, vol. 3, pp. 23–30. DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2013.3.1\(3\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2013.3.1(3)).
17. Teivans-Treinovskis J., Jefimovs N. State national security: Aspect of recorded crime. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2012, vol. 2, pp. 41–48. DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2012.2.2\(4\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2012.2.2(4)).
18. Mitsilegas V. *EU Criminal Law. Modern Studies in European Law*. Oxford, Hart Publishing, 2009. 352 p.
19. Teivan-Treinovskii Ya.S., Volov V.T. Probation as a socio-legal impact on a person of criminal behaviour. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012, no. 11, pp. 105–112. (In Russian).
20. Bachman Ronet, Schutt Russel K. *Fundamentals of Research in Criminology and Criminal Justice*. California, Sage Publications, 2008. 319 p.
21. Zahars V., Stivrenieks M. Security Implementation Facets: Peculiarities of Execution of the Sentence of Imprisonment in Respect of Convicted Minors. *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2015, vol. 4, pp. 221–231. DOI: [http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2015.4.3\(3\)](http://dx.doi.org/10.9770/jssi.2015.4.3(3)).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тейван-Трейновский Янис Станиславович — декан факультета социальных наук Даугавпилсского университета, профессор, доктор юридических наук, г. Даугавпилс, Латвийская Республика; e-mail: janis.teivans@du.lv.

Лавриненко Ольга Яновна — ведущий исследователь Института социальных исследований Даугавпилсского университета, доктор экономических наук, г. Даугавпилс, Латвийская Республика; e-mail: olga.lavrinenko@du.lv.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тейван-Трейновский Я.С. Оценка социальных факторов и условий девиантного поведения в современном обществе / Я.С. Тейван-Трейновский, О.Я. Лавриненко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 73–81. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(1).73-81.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Teivans-Treinovskis, Janis S. — Professor, Doctor of Law, Dean, Faculty of Social Sciences, the University of Daugavpils, Daugavpils, the Latvian Republic; e-mail: janis.teivans@du.lv.

Lavrinenko, Olga J. — Doctor of Economics, Leading Researcher, Institute of Social Research of the University of Daugavpils, Daugavpils, the Latvian Republic; e-mail: olga.lavrinenko@du.lv.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Teivans-Treinovskis J.S., Lavrinenko O.J. Assessment of social factors and conditions of deviant behavior in the modern society. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2016, vol. 10, no. 1, pp. 73–81. DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).73-81. (In Russian).